

А. Коллонтай

**Проблема нравственности с
позитивной точки зрения**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 101
ББК 87
А11

A11 **А. Коллонтай**
Проблема нравственности с позитивной точки зрения / А. Коллонтай – М.:
Книга по Требованию, 2019. – 36 с.

ISBN 978-5-458-54970-7

ISBN 978-5-458-54970-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2019

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2019

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

минуты, когда отдѣльное „я“ мѣшаетъ социальному сожителству людей, когда отъ этого терпятъ другіе члены социальной группы, а слѣдовательно, страдаютъ и интересы группы въ ея цѣломъ, только тогда ощущается необходимость вырабатывать обязательныя для всѣхъ членовъ данной группы правила общенія. Эти бессознательно создаваемыя нормы нравственности обезпечиваютъ на опредѣленной ступени историческаго развитія цѣлостность и благополучіе данной социальной группы; безъ такихъ нормъ социальное существованіе было бы невысказаннымъ ¹⁾.

Нравственныя нормы, вырабатываемыя путемъ сопоставленія разнородныхъ потребностей сочленовъ социальной группы въ нѣкоторые средніе, такъ сказать—идеальныя, нормативныя принципы, лишь рѣдко вполне совпадаютъ съ истинными потребно-

допускающая противоположное, принимаетъ конецъ за начало. Индивидъ есть часть цѣлаго, а часть получаетъ законъ свой отъ цѣлаго, и какую бы тѣсную связь, какое бы сліяніе между собою и обществомъ ни чувствовали индивидъ, все-таки общество, а никто другой, диктуетъ ему нормы его нравственнаго поведения. Въ противоположность неадоровой теории, которая, подобно пѣнію сиренъ, старается обольстить индивида указаніемъ на его нравственную самодержавность, я считаю необходимымъ громко сказать голую неприкрашенную правду: ты только часть цѣлаго, отъ котораго ты получаешь свои законы; усвой ихъ себѣ такимъ образомъ, чтобы внѣшній законъ сталъ твоимъ собственнымъ, и внѣшняя необходимость превратилась во внутреннюю свободу, но и тогда не предавайся безмысленнымъ надеждамъ, будто узда, которой ты *субъективно* не чувствуешь, *объективно не существуетъ*“ (Phering „Der Zweck im Recht“, II, стр. 102 и 103; русскій переводъ В. Гессена: „Истор.-общ. основы этики“, стр. 9).

¹⁾ Въ своей статьѣ „Развитіе жизни въ природѣ и обществѣ“ Богдановъ прослѣживаетъ, какъ возникаютъ нравственныя нормы въ социальной средѣ на почвѣ естественнаго стремленія людей создать болѣе гармоническія и цѣлесообразныя отношенія въ трудовомъ процессѣ. Взаимная неприспособленность къ трудовой жизни, зависѣвшая не столько отъ недостатка въ связи между людьми, сколько отъ несовершенства формъ этой связи, отъ ея нецѣлесообразной организаціи, вызвала въ жизнь рядъ идеологическихъ приспособленій—„обычаевъ“, сначала регулировавшихъ отношенія индивидуума къ социальной группѣ на трудовой почвѣ, затѣмъ постепенно обращавшихся въ нормативныя принципы взаимнаго общенія людей. „Развивается, напр., обычай не мѣшать другъ другу на охотѣ, помогать другъ другу въ опасности до послѣдней крайности, не брать лишняго изъ общей добычи и т. д. Если отдѣльное лицо пытается нарушить обычай, остальные члены группы стремятся помѣшать ему въ этомъ, или даже удалить его изъ своей среды. Слѣдовательно, сущность обычая заключается въ томъ, что люди привыкаютъ признавать извѣстныя отношенія за нормальныя и всюду, гдѣ наблюдаютъ отклоненіе отъ этихъ нормальныхъ отношеній, стараются воспрепятствовать ему или прекратить его“. („Изъ психологіи общества“—А. Богданова, стр. 68). Мы не будемъ здѣсь касаться вопроса, исчерпываетъ ли „трудовой“ факторъ всѣ историческія основы нравственныхъ требованій, и ограничимся лишь приведеніемъ этой выдержки въ качествѣ прекрасной иллюстраціи высказанной въ текствѣ мысли.

стями единичной личности, почему и подчинение имъ принимаетъ до известной степени принудительный характеръ. Принудительное выполнение нравственныхъ принциповъ отстаивается обществомъ въ интересахъ самихъ его членовъ, такъ какъ только такимъ способомъ и обеспечивается устойчивость социальнаго блага. Но вмѣстѣ съ тѣмъ этой принудительностью несомнѣнно ограничивается индивидуальная свобода отдѣльнаго лица во имя блага, во имя группы.

Пока личныя стремленія и желанія человѣка совпадаютъ съ установленными нормами, до тѣхъ поръ нравственность хоть и существуетъ *объективно*, однако *субъективно* не ощущается даннымъ лицомъ. Только тогда, когда его желанія разойдутся съ общеобязательной нормой, начнетъ онъ ощущать давленіе нравственности, ея узду ¹⁾. Съ этого момента въ душѣ человѣка впервые зарождается чувство долга по отношенію къ себѣ подобнымъ, появляется „нормативное сознание“ идеалистовъ. Единственно стремленіе къ социальному сожителству заставляетъ человѣка *volens-nolens* слѣдовать этимъ нормамъ, подчиняться ихъ предписаніямъ.

Не въ природѣ человѣка, не въ свойствахъ нашихъ чувствъ, которымъ будто-бы основныя нравственныя нормы такъ же присущи, какъ логическіе законы нашему мышленію, слѣдуетъ искать источникъ нашего нравственнаго сознанія, а въ чисто опытныхъ общественно-историческихъ условіяхъ ²⁾. Въ самомъ дѣлѣ, какую бы норму нравственности мы ни ваяли, существовавшую ли на варѣ човѣчества или же признаваемую и въ современную намъ эпоху, мы тотчасъ же убѣдимся, что своимъ происхожденіемъ она обязана известнымъ взаимоотношеніямъ между обществомъ и индивидуумомъ, обеспечивающимъ на известной ступени социальнаго развитія взаимные интересы той и другой стороны.

Само собою разумѣется, что съ измѣненіемъ социально-экономическихъ условій, должны измѣняться и правила взаимнаго общенія; потому-то и наблюдается, что каждой исторической эпохѣ соответствуютъ и свои нравственныя нормы. Чѣмъ сложнее становятся взаимоотношенія людей, тѣмъ оложнѣе, конечно, и нормы нравственности, тѣмъ труднѣе, вслѣдствіе этого установить ихъ реальное, опытное происхожденіе; однако, стоитъ лишь отрѣ-

¹⁾ Изъ-за эгоизма, повидимому, вполне предоставленнаго самому себѣ, выступаетъ внезапно общество съ требованіемъ до того времени не ощущавшимся, натягивается узда, незамѣтная при слѣдованіи по вѣрному пути, но чувствительная при первомъ попятномъ: этотъ путь оставить“. Inhering, „Der Zweck im Recht“, II, стр. 186.

²⁾ По справедливому замѣчанію Іеринга (см. Der Zw. im Recht“, II, стр. 198), нравственность возникаетъ не съ переходомъ звѣря въ человѣка, какъ утверждаютъ идеалисты (нравственность тогда существуетъ лишь потенциально), а съ того момента, когда возникаетъ общественность.

шиться отъ существующихъ соціальныхъ отношеній и спуститься въ глубь человѣческой исторіи, чтобы въ соответствующихъ экономико-общественныхъ условіяхъ отыскать корни того или иного нормативнаго принципа морали. Было бы излишнимъ доказывать это относительно цѣлаго ряда нравственныхъ нормъ, каковы, напр.: уваженіе къ личности другого, вѣрность данному слову, повиновеніе властямъ, защита отечества, охраненіе святости брака, неприкосновенность частной собственности и т. д.; но даже тѣ нормы нравственности, которыя предписываютъ обязанности по отношенію къ самому себѣ, при болѣе близкомъ разсмотрѣніи оказываются исходящими изъ того же источника, т. е. изъ соціальныхъ отношеній, устанавливаемыхъ въ цѣляхъ жизненности и цѣлостности даннаго соціального организма. „Фактически власть соціальной группы надъ отдѣльнымъ индивидуумомъ до того сильна, что долгъ по отношенію къ самому себѣ проявляется всегда лишь какъ матеріальный или психологическій окольный путь долга по отношенію ко всѣмъ—къ обществу“ (Зиммель „Einl. in die Moralwiss“, I, стр. 182). Возьмемъ для примѣра такой проступокъ противъ морали, какъ самоубійство, и въ осужденіи этого на первый взглядъ столь личнаго преступленія, легко найдемъ все ту же соціальную основу, все ту же заботу о цѣломъ, объ обществѣ ¹⁾).

Не только нормы нравственности, но даже болѣе того—душевные состоянія и чувства людей, относимыя къ области нравственныхъ побужденій, имѣютъ своимъ источникомъ ту же общественность. На опредѣленной ступени историческаго развитія непремѣннымъ условіемъ жизненности данной соціальной группы является развитіе тѣхъ или иныхъ нравственныхъ побужденій. Въ мировой борьбѣ за существованіе естественно побѣждаетъ та группа, въ которой сильнѣе развиты соответствующія потребности данной эпохи моральныхъ чувства. Было время, когда непремѣннымъ условіемъ соціального сожителства являлась выработка состраданія, жалости, милосердія, такъ какъ безъ этихъ нравственныхъ побужденій погибли бы всѣ болѣе слабые, хотя-бы и полезные, члены общества; и вотъ, въ интересахъ „цѣлаго“ устанавливаются моральные принципы, предписывающіе состраданіе, милосердіе, жалость. Въ еще болѣе отдаленныя времена храбрость, сила и ловкость чтились какъ высшія добродѣтели, такъ какъ отъ распространенности этихъ свойствъ зависѣла безопасность и жизненность всего соціального организма; напротивъ, трусость и слабость считались не только позорными, но и преступными качествами ²⁾. Какое бы душевное свойство мы ни

¹⁾ Зиммель, „Соціальная дифференціація“, стр. 103.

²⁾ Въ древности, да и сейчасъ еще у многихъ культурныхъ народовъ, гостепріимство считалось величайшей добродѣтелью. „Почему?“ — вопро-

взяли, мы всегда убѣдимся, что создала его не природа, а конкретныя историческія условія. Но нравственныя стремленія, свыше вложенныя намъ въ душу, порождаютъ въ жизни существованіе тѣхъ или иныхъ нравственныхъ вѣлѣній, а наоборотъ, опредѣленныя отношенія между индивидуумомъ и обществомъ, устанавливаемыя въ цѣляхъ охраненія интересовъ социальнаго цѣлаго, приучаютъ людей подчиняться нравственнымъ нормамъ, вызываютъ въ нихъ соответствующія душевныя состоянія и привычку чувствовать такъ, какъ повелѣваютъ принципы морали ¹⁾.

Подобно тому, какъ реальныя историческія условія порождаютъ опредѣленныя нравственныя чувства и побужденія, точно такъ же и происхожденіе порочныхъ чувствъ и наклонностей слѣдуетъ искать съ одной стороны въ несовершенствахъ даннаго общества, а съ другой—въ пережиткахъ социальнаго прошлаго. По этому поводу Зиммель говоритъ: „Мы знаемъ, что грабежъ и убійство, обманъ и насиліе находили себѣ въ прежнія времена совершенно иное объясненіе, нежели теперь; они были въ отношеніи къ чуждымъ племенамъ, частью премированными актами частной воли, частью обыкновенными подвигами; а внутри племени они являлись необходимыми средствами развитія культуры; причемъ они, съ одной стороны, способствовали естественному подбору силь-

шаетъ проф. Циглеръ. „Этого требовалъ практическій интересъ общества и вообще человѣческаго сосуществованія. При тогдашнемъ повсемѣстномъ беззаконіи, въ которомъ находились чужестранцы, этотъ институтъ гостепріимства былъ единственно-возможной формой мирныхъ торговыхъ сношеній съ членами чуждыхъ племенъ. Соблюдать свято этотъ обычай было, слѣдовательно, въ интересахъ общины, государства... Нарушить его считалось преступленіемъ, это было самый ужасный, безбожный, безнравственный поступокъ; хранить его считалось, напротивъ того, добродѣтелью. Такимъ образомъ то, что первоначально происходило изъ практическихъ цѣлей, получило затѣмъ значеніе обычая, т. е., сдѣлалось обязательнымъ и было потому поставлено подъ защиту „боговъ“. Съ теченіемъ времени и измѣненіемъ культурныхъ жизненныхъ условій обычай этотъ сдѣлался излишнимъ, гостепріимство утратило значеніе нравственной добродѣтели, но съ нимъ не умерла, однако, чувства челоѣчности и гуманности, долгое время почти исключительно въ немъ одномъ имѣвшая свой источникъ. Напротивъ того, они давно уже нашли другія формы для своего проявленія и, потерявъ всякую связь съ обычаемъ гостепріимства, сдѣлались внутреннимъ достояніемъ нравственнаго челоѣка“. Проф. Циглеръ, „Что такое нравственность?“ переводъ А. Острогорскаго, стр. 20.

¹⁾ Въ третьей главѣ своего труда „Einl. in die Moralwiss“. Зиммель разсматриваетъ, какое огромное вліяніе оказываютъ нравственныя нормы на развитіе въ челоѣкѣ и упроченіе въ его душѣ нравственныхъ чувствъ и стремленій: воля, слѣдующая нравственнымъ вѣлѣніямъ, вызываетъ въ насъ опредѣленныя душевныя состоянія, которыя при частомъ повтореніи, помощью сложнаго психологическаго процесса, обращаются въ привычку чувствовать такъ, какъ повелѣваетъ этика.

нѣйшихъ и наиболѣе приспособленныхъ къ жизни, съ другой—были орудіями тирани и порабощенія, отъ которыхъ произошло первое неравенство и раздѣленіе занятій“. (Зиммель „Соц. Диф.“, стр. 71).

Съ теченіемъ времени, при измѣненіи соціально-экономическихъ условій въ данномъ обществѣ, естественно должны были измѣняться не только самыя нормы нравственности, но исчезать или, наоборотъ, развиваться чувства и побужденія людей, имъ отвѣчающія. Недаромъ Ницше, этотъ несомнѣнно гениальный буржуазный реформаторъ современной нравственности, тѣсно переплетающейся съ пережитками христіанской морали—морали покорности и рабскаго подчиненія, выступилъ съ рѣзкой проповѣдью противъ жалости и состраданія, совѣтуя замѣнить ихъ безчувственностью и жестокостью. Замѣна эта имѣетъ глубокое соціально-экономическое основаніе.

Резюмируя сказанное, мы приходимъ къ слѣдующимъ заключеніямъ: во-первыхъ, что источникъ нравственности лежитъ не „въ насъ самихъ“, какъ думаютъ идеалисты, а въ соціально-экономическихъ отношеніяхъ людей, дѣлающихъ неизбежными выработку и принятіе опредѣленныхъ нормативныхъ принциповъ взаимнаго общенія; во-вторыхъ, что нравственное сознание и нравственные побужденія—не прирожденные намъ свойства души, а лишь историческія категоріи, развившіяся въ насъ путемъ опыта и наблюденія. Не природа, а общественность является создательницей тѣхъ нравственныхъ началъ, какія мы въ настоящее время усматриваемъ въ человѣкѣ.

Но, возразятъ намъ на это идеалисты, согласимся, что нормы нравственности создаются жизненными отношеніями людей, предположимъ даже, что нравственное сознание вытекаетъ изъ опыта; долженъ же быть импульсъ, заставляющій человѣка не только сознавать свои обязанности, но и поступать согласно съ принципами морали; должно же быть нѣчто такое, что гарантируетъ нравственные дѣйствія людей. Сознавать свои обязанности еще не значить подчиняться ихъ велѣнію; сознание („рефлексія“) есть лишь первая стадія моральнаго акта, и только во второй стадіи переходитъ моральное сознание въ актъ чисто волевой. И тутъ-то, скажутъ идеалисты, не обойтись вамъ безъ сверхъ-опытныхъ, апріорныхъ представленій; тутъ придется признать либо автономность „нормативнаго сознания“, какъ ряда вложенныхъ въ нашу душу общеобязательныхъ предписаній, которымъ мы должны слѣдовать, если *желаемъ* быть нравственными, либо идею законности воли, существованіе естественныхъ нормъ, присущихъ нашему „хотѣнію“, которымъ мы *не можемъ не слѣдовать*.

Разногласіе сводится такимъ образомъ къ рѣшенію вопроса о происхожденіи „нравственной воли“. Для теоріи, опирающейся на апріорность нравственнаго сознанія и прирожденность этическихъ чувствъ, рѣшеніе этого вопроса не представляетъ ни малѣйшей трудности; природа, говорятъ идеалисты, не только вложила въ нашу душу способность отличать нравственное отъ безнравственнаго (теорія интеллектуальной врожденности), но и позаботилась о томъ, чтобы наше хотѣніе, наша воля всегда были направлены въ сторону добра (теорія практической врожденности). Стоитъ намъ уклониться съ моральной стези, чтобы нравственное чувство, всегда стоящее на стражѣ, тотчасъ укорами совѣсти напомнило о себѣ. Если природа создала человѣка эгоистомъ, то съ другой стороны та же природа и позаботилась вложить въ душу человѣка нравственное сознаніе и нравственную волю и такимъ образомъ обезпечила заранѣе проведеніе въ жизнь этическихъ началъ.

Въ вопросѣ о происхожденіи нравственной воли такъ же, какъ и въ вопросѣ объ образованіи нравственныхъ нормъ, идеалисты снова становятся на рѣзко индивидуалистическую точку зрѣнія. Человѣкъ для нихъ является одареннымъ нравственными свойствами совершенно независимо отъ окружающей его общественной среды. Моральныя качества пріобрѣтаютъ вслѣдствіе этого автономное значеніе, личность же, оцѣниваемая съ точки зрѣнія этической, разсматривается, какъ явленіе самодовлѣющее, изолированное.

Совершенно иначе относятся къ тому же вопросу позитивисты. Помня всегда, что духовная личность человѣка есть не что иное, какъ продуктъ общества, позитивисты утверждаютъ, что воѣ моральныя свойства не только *проявляются* въ соціальной средѣ (съ чѣмъ согласятся и идеалисты), но и *пріобрѣтаются* только въ *обществѣ* и только отъ *общества*. Человѣкъ отъ природы не одаренъ никакими моральными качествами—ни положительными, ни отрицательными; въ немъ одинаково отсутствуетъ какъ эгоизмъ, такъ и нравственное чувство, нравственная воля; лишь соприкосновеніе съ соціальной средой создаетъ тѣ духовныя свойства индивидуума, которые мы подводимъ подъ моральныя понятія. Изъ нашего духовнаго „я“, единственно имѣющаго значеніе для идеалистической морали, возможно вывести самыя противорѣчивыя начала. И если пріоритетъ эгоизма кажется несомнѣннымъ для натуралистовъ à la Спенсеръ, стремящихся къ монистическому объясненію человѣческой природы и готовыхъ ради этого вводить въ свою теорію даже чисто идеалистическій принципъ (эгоизмъ есть не болѣе какъ моральная категория), то для идеалистовъ дуализмъ нашего духовнаго „я“, автономность эгоистическихъ и этическихъ началъ въ человѣкѣ—кажутся столь же несомнѣнными.

Строя свои выводы на реальномъ, опытномъ базисѣ, позитивисты убѣждаются, что наше моральное „я“ не есть величина самостоятельная, что существованіе его неотдѣлимо отъ социальнаго цѣлаго, и что надѣленіе его апіорными моральными категориями, будто бы приобретаемыми внѣ общества, есть не болѣе, какъ метафизическая ошибка. „Наше я“, справедливо замѣчаетъ Бугле, „составляющее исходную точку для этическихъ выводовъ, есть форма особенно пустая, въ которую могутъ войти всякіе элементы. Элементы эти, порождаемые ходомъ исторіи, суть дѣйствительные факторы нравственности, и сложность ихъ отношеній такова, что не подлежитъ опредѣленію посредствомъ отвлеченныхъ моральныхъ теорій. Общество, т. е. соединеніе отдѣльныхъ личностей, навязываетъ намъ свою волю“. (Бугле—„Зиммель о наукѣ морали“—стр. 145). По образному выраженію Зиммеля, наше „я“ есть не болѣе, какъ „точка соприкосновенія социальныхъ круговъ“.

Чѣмъ ниже опускаемся мы въ глубь человѣческой исторіи, тѣмъ разительнѣе тѣсная, органическая связь индивидуума съ социальной группой. Если голый инстинктъ самосохраненія и сплотилъ когда-то человѣческія существа въ дикую бозформенную орду, то уже самая примитивная организація общества, какъ цѣлаго, неизбѣжно связана была съ установленіемъ извѣстнаго числа нравственныхъ нормъ, утверждающихъ и укрѣпляющихъ общественность. Благополучіе социальной группы неизбѣжно приобретало самодовлѣющее значеніе, и интересы отдѣльнаго „я“ приносились въ жертву обществу, какъ цѣлому. Чѣмъ слабѣе была социальная группа, тѣмъ острѣе, тѣмъ настоятельнѣе становилось органическое сліяніе ея членовъ, полное ихъ претвореніе въ одну цѣлую, неразрывную массу, имѣвшую своей главной заботой—жизненность и крѣпость группы. Въ общей борьбѣ за существованіе, на зарѣ человѣческой исторіи, естественно одерживали верхъ тѣ группы, въ которыхъ связь между членами была полнѣе, совершеннѣе, въ которыхъ индивидуальная воля сильнѣе подчинялась велѣніямъ воли социальной, преслѣдуемой прежде всего благо цѣлаго, благо группы. Въ ту отдаленную отъ насъ эпоху индивидуумъ подчинялся социальной волѣ не изъ чувства долга, а въ силу того, что еще не умѣлъ и не могъ отдѣлать себя отъ группы, что его интересы совпадали съ цѣлями и задачами социального цѣлаго. Въ то время еще не было мѣста для проявленія основныхъ моральныхъ категорій — эгоизма, альтруизма, нравственной воли; субъективная мораль еще отсутствовала, хотя объективныя нормы, облакаемыя въ социальные императивы, несомнѣнно существовали. Нормы эти, какъ бы малочисленны примитивны и просты онѣ ни были, тѣмъ не менѣе всей силой социального велѣнія воздѣйствовали на единичную волю, и если давленіе ихъ ощущалось значительно сла-

бѣе, чѣмъ въ болѣе позднюю историческую эпоху, то лишь въ силу малой разобщенности индивидуума отъ группы, преобладаѣя социальной психологіи надъ психологіей индивидуальной¹⁾.

Потребовались долгіе вѣка культурнаго прогресса человѣчества потребовалось коренное измѣненіе всего общественнаго трудового уклада, замѣна коммунистическаго быта, бытомъ индивидуально антагонистическимъ, чтобы личность наконецъ отдѣлилась отъ своей социальной ячейки, чтобы индивидуальное сознаніе приобрѣло самостоятельное существованіе и личная воля могла быть противопоставлена волѣ социальной.

На этой ступени человѣческой исторіи собственно впервые появляется нравственная проблема. Только съ той минуты, когда человѣкъ научился мыслить и чувствовать себя раздѣльно отъ социального цѣлаго, встала передъ нимъ моральная проблема во всемъ своемъ трагическомъ величій, и конфликтъ между эгоистическими стремленіями и социальными велѣніями внесъ мучительный разладъ въ издавна еще столь безмятежную и гармонически цѣльную душу человѣка. Чтобы быть нравственнымъ, уже недостаточно стало „быть самимъ собою“ (личная воля уже не совпадала съ императивами группы), потребовалось вышпательство новой нравственной категоріи—на сцену появился „долгъ“.

Господа идеалисты уже готовы торжествовать побѣду: безъ принятія хотя-бы формальнаго понятія о долгѣ мы-таки не обошлись! Не есть ли это официальное признаніе того импульса, который направляетъ человѣка на путь должнаго и безъ котораго нѣтъ возможности объяснить нравственными дѣйствіями, ведущими по существу къ самоограниченію, порой къ полному самоотреченію со стороны индивидуума? Но погодите радоваться, господа идеалисты, не забудьте, что вопросъ идетъ не о формальномъ понятіи о „долгѣ“, какъ таковомъ,—понятіи, несомнѣнно имѣющемъ мѣсто въ современномъ намъ мірѣ²⁾, а о томъ, что представляетъ собою „нравственная воля?“ каково ея происхо-

¹⁾ „Источникомъ нравственнаго закона, этическимъ законодателемъ является тутъ не личный интересъ, хотя бы и „разумно понятый“, но счастье ближняго и даже не мнимо-априорныя формы нравственнаго сознанія личности, а коллективное сознаніе и воля социальной группы, растворившія въ себѣ индивидуальныя чувства и инстинкты..... Не то было въ общинно-родовую или гентильную эпоху человѣческаго существованія. Тамъ, наоборотъ, каждый отдѣльный индивидъ не могъ представить себя иначе, какъ только въ качествѣ орудія, служебной части чего-то цѣлаго, вышшаго надъ нимъ, ради чего могутъ быть принесены въ жертву счастье и довольство не только его одного а и всей совокупности наличныхъ его членовъ“. „Современныя философскія исканія“. Лозанскій, „Мірѣ Божій“ 1904, № 11 стр. 176, 177.

²⁾ „Анализируя формальное, лишенное всякаго содержанія, понятіе добра, мы не найдемъ въ немъ, если оно формально, ничего, кромѣ простаго констатированія эмпирически устанавливаемаго факта, что че-

жденіе? Есть ли это прирожденное намъ нормативное свойство души, такъ сказать—категорія сверхъ-опытнаго происхожденія¹⁾, или же, наоборотъ, она является порожденіемъ нѣшнихъ вѣдѣйствій на человѣка, представляя собою продуктъ опытныхъ его воспріятій?

Естественно, что отвѣты, даваемые школой позитивистовъ и идеалистовъ, въ корнѣ расходятся между собою: то, что идеалисты считаютъ апріорнымъ импульсомъ нравственной дѣятельности человѣка, въ глазахъ позитивистовъ есть не болѣе, какъ эмпирическимъ путемъ приобрѣтенное сознание *необходимости* слѣдовать по пути „должнаго“, необходимости, диктуемой социальнымъ сожительствомъ людей. Сознаніе долга, т. е. первая стадія волевого акта, возникаетъ въ человѣкѣ, какъ мы уже видѣли, съ той минуты, когда личное хотѣніе человѣка сталкивается съ общественно-установленными нормами нравственности, противорѣчить этимъ послѣднимъ²⁾. Съ этого момента человѣкъ уже знаетъ, что повелѣваетъ ему нравственный законъ, но послѣдуетъ ли онъ велѣнію „долга“ или постарается этого избѣжать, разъ предписанія морали расходятся съ его индивидуальными стремле-

нѣмъ имѣть волю и дѣйствовать; во-вторыхъ, какъ только мы попытаемся заполнить эту форму конкретнымъ содержаніемъ, такъ безъ труда убѣдимся въ *относительности* и нашихъ нравственныхъ понятій. И конечно, такая постановка вопроса вовсе не устраняетъ этики: вѣдь сами же идеалисты для рѣшенія нравственныхъ проблемъ призываютъ на помощь науку. Это и естественно: вѣдь вся важность моральной проблемы каждаго момента заключается не въ философскомъ обоснованіи формальнаго понятія долга, а въ опредѣленіи конкретныхъ задачъ дѣятельности человѣка въ условіяхъ именно этого времени“. (Рождковъ „Значеніе и судьбы новѣйшаго идеализма въ Россіи“, стр. 324—325).

1) „...Отрицаніе „должнаго“, какъ самостоятельной категоріи, независимой отъ эмпирическаго сущаго и не выводимой изъ него, ведетъ къ упраздненію не только этики, но и самой нравственной проблемы. — „Пробл. идеал.“ статья Бердяева, стр. 92.

2) „Признаніе долга и выполненіе его не только не совпадаютъ между собою необходимо, но именно въ этой возможности конфликта между этическимъ закономъ и фактическимъ направленіемъ воли и состоитъ специфическая характеристика *должнаго*“. И далѣе: „Въ самомъ дѣлѣ, хотя форма категорическаго долженствованія и составляетъ неотъемлемый и неизмѣнный атрибутъ духовнаго „я“ и въ сущности единственно возможную его характеристику, однако, психологически „долгъ“ выступаетъ на сцену лишь тогда, когда съ нимъ приходится въ столкновеніе какой-либо не нравственный мотивъ. Если бы въ числѣ десяти заповѣдей была помѣщена такая: „всякій да ѣстъ, когда онъ голоденъ и обладаетъ пищей“, то при всемъ уваженіи къ той санкціи, которую имѣетъ этотъ императивъ, ни одинъ нравственный человѣкъ не могъ бы *фактически почувствовать* его, какъ велѣніе долга. Сознаніе долга возможно лишь при наличности двухъ противоположныхъ направленій воли, изъ которыхъ одно а priori характеризуемо какъ общезначимое, высшее, духовное, другое, какъ измѣнчивое, низшее, эмпирическое. („Очерки реалистическаго мировоззрѣнія“, Базаровъ—„Авторитарная метафизика и автономная личность“ стр. 187 и 248).

ниями—это еще вопросъ открытый. По мнѣнію Канта, человѣкъ, нося въ душѣ своей естественные нравственные законы, познавъ „должное“, всегда можетъ направить свою волю въ сторону этого „должнаго“. „Выполнить категорическую заповѣдь нравственности, говорить онъ, это во власти каждаго во всякое время“. Оставляя въ сторонѣ вопросъ о свободѣ воли, непосредственно не относящійся къ разбираемому сейчасъ вопросу, замѣтимъ лишь, что апіорность долженствованія, постулируемая Кантомъ, противорѣчить основнымъ представленіямъ позитивной этики, строящей свои выводы на реальномъ базисѣ социологій и психологій. Наше внутреннее „хотѣнье“, направляющее наши волевые акты въ сторону нравственнаго, есть свойство, воспитанное въ насъ соціальной средой. Не убѣждаемся ли мы въ повседневной жизни, что ребенку совершенно несвойственно апіорное понятіе о долгѣ, что въ душѣ его абсолютно отсутствуетъ, вопреки увѣреніямъ Канта, „категорическій императивъ?“ Вопросъ о воспитаніи въ человѣкѣ чувства „долга“, о привитіи ему этого понятія является въ педагогикѣ общимъ мѣстомъ. Единственнымъ мотивомъ поступковъ дитяти является—„я такъ хочу“; лишь путемъ опыта и принудительнаго воздѣйствія, какъ со стороны взрослыхъ, такъ и со стороны сверстниковъ, научается онъ познавать, что есть границы его „хотѣнья“, что есть поступки, влекушіе за собою непріятныя для него самого послѣдствія, и тогда эгоистическое начало самосохраненія заставляетъ его сдерживать и ограничивать свободное проявленіе всѣхъ сложныхъ сторонъ своего индивидуальнаго „я“.

Сила является тѣмъ первичнымъ, грубымъ соціальнымъ факторомъ, который воздѣйствуетъ на единичную волю, отдѣлившуюся, подъ вліяніемъ измѣнившагося общественно-трудового уклада, отъ воли соціальной, и заставляетъ ее подчиняться нравственнымъ императивамъ. Кантъ, а за нимъ идеалисты, пожалуй, возразятъ намъ на это, что если бъ въ душу человѣка не былъ вложенъ нравственный законъ, направляющій его дѣйствія по пути „должнаго“, то никакая соціальная необходимость не могла бы принудить его поступать именно въ этомъ направленіи. Съ этимъ мы позволимъ себѣ не согласиться. Хорошо категорическій императивъ, внедряемый, напримѣръ, въ душу дикаря помощью грубой силы, такъ какъ, безъ сомнѣнія, не встрѣчай дикарь противоудѣйствія своимъ желаніямъ въ рѣзкой, подчасъ даже жестокой формѣ, онъ не задумался бы надъ тѣмъ, имѣетъ ли онъ право съѣсть своего сосѣда, хотя врядъ ли желалъ бы, чтобы такого рода дѣйствія пріобрѣли признаніе всеобщей максимы! Страхъ наказанія или предвидѣнье награды въ земной или будущей жизни—это безразлично, являются побудительными моментами нравственныхъ дѣйствій человѣка; это психологическое свойство человѣка положено въ основу всѣхъ ре-